

Ф.Х.КЕССИДИ

**ИДЕИ И ЛЮДИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ**

*** * ***

Российская Академия Наук
Институт философии

Ф.Х.Кессиди

**ИДЕИ И ЛЮДИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ**

Москва
2003

УДК 10(09)
ББК 87
К 36

В авторской редакции

К 36 Кессиди Ф.Х. Идеи и люди: историко-философские и социально-политические этюды. — М., 2003. — 228 с.

В настоящий сборник, составленный самим автором, включены статьи по античной философии и истории, написанные в разные годы, и ряд статей, посвященных проблемам современности.

ISBN 5-201-02137-9

© Ф.Х.Кессиди, 2003
© ИФ РАН, 2003

Плеханов Г.В.
(к 80-летию со дня смерти)

Георгий Валентинович Плеханов — видный деятель международного рабочего движения, мыслитель, один из теоретиков марксизма, публицист. Родился 29 ноября (11 декабря) 1856 г. в с. Гудаловка Тамбовской губернии. Происходил из небогатой дворянской семьи военнослужащих. Отец Плеханова — отставной офицер, мать — урожденная Белинская, племянница В.Г. Белинского, широко образованная женщина, — оказала большое влияние на сына. Род Плехановых восходит к татарским князьям XIII века.

Хотя Плеханов рано отказался от военной карьеры, но в его личности и революционной деятельности сохранился оттенок военной доблести. Можно сказать, что единственной привилегией, которой дорожил Плеханов, этот «демократический аристократ» (по выражению одного современника), была роль самоотверженного борца за людей труда и достоинство человека. Так он принял марксизм, переходя на его позиции как более верные и научно обоснованные, чем народническая идеология и движение, которое он возглавлял до 1880 г. Основанная им в Женеве группа «Освобождение труда» (1883 г.) явилась ядром будущей социал-демократии в России и сыграла большую роль в распространении марксизма в российском освободительном движении.

Плеханов разделял исходное положение Маркса о том, что «общественное бытие определяет общественное сознание». Однако, столкнувшись в своей политической деятельности с «антиномией между сознательностью и стихийностью» (Соч. Т. 14. С. 295), т.е. с противоречием между рационально-научным пониманием общественного развития и эмоционально-бессознательной реакцией народных масс на сложившееся положение вещей (общественное бытие), он пришел к выводу о ведущей, в некотором отношении, роли сознания (идей, теории) в историческом процессе. Отсюда его известный тезис, согласно которому без революционной теории нет революционного движения (Там же. Т. 2. С. 71). Подвергая критике вульгаризаторов марксизма (Шулятикова, Элевтеропупоса и др.), не признававших относительную самостоятельность форм общественного сознания по отношению к общественному бытию, Плеханов писал: «В власти идеологии многие явления могут быть объяснены **только косвенным образом**, посредством влияния экономического развития» (Очерки по истории материализма. М., 1923. С. 192). Наивно-материалистические представления о сознании как зеркальном отражении бытия Плеханов отвергал

и в теории познания. Он считал, что ощущения — это своего рода иероглифы, позволяющие нам ориентироваться в действительности, хотя и не похожи на события, которые ими передаются.

Плеханов заблуждался, полагая, вслед за Марксом и Энгельсом, что с момента, когда люди подчинят своей воле производственные отношения, кончится царство необходимости и воцарится свобода. Однако главное и характерное для Плеханова — это необычайная эрудиция в различных областях знаний, большой литературный талант и тонкое критическое чутье, придающее его письму необычайную художественную выразительность и логическую стройность. Эти особенности делают «Плеханова живым и увлекательным писателем, в котором верность марксизму никогда не заглушала ни подлинного морального благородства, ни интереса к истине и к ее прогрессу». Так отозвался о Плеханове В.В.Зеньковский, русский религиозный философ и белоэмигрант, убежденный противник философского материализма, особенно марксистского толка (*Зеньковский В.В. История русской философии. Т. II. Ч. 2. С. 40–41, 1991*).

К числу наиболее известных философских произведений Плеханова относятся: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895 г.), «Очерки по истории материализма» (1896 г.), «К вопросу о роли личности в истории» (1898 г.). Эти и многие другие сочинения Плеханова навсегда вошли в мировую марксистскую мысль.

Кратко об основных идеях, развитых Георгием Валентиновичем в его последней из названных работ, юбилей (столетие со дня ее выхода в свет) которой исполнился в текущем году. В этом труде прежде всего отстаивается положение, согласно которому марксизм одинаково далек как от фаталистического взгляда на историю, считающего человека орудием слепой необходимости, так и от волюнтаризма, не признающего закономерности в истории и ставящего ход событий в зависимость от произвольной деятельности или даже от капризов выдающихся деятелей, героев (царей, полководцев, вождей и т.п.). С переходом на позиции марксизма Плеханов отверг народническую теорию «героев» и «толпы» и связанную с этой теорией практику индивидуального террора, т.е. убийства того или иного царя или министра с целью исправления существующего несправедливого положения вещей.

Исходя из принципов марксизма, Плеханов отмечал, что люди сами делают свою историю, но не так, как им вздумается, а в соответствии с назревшими историческими потребностями, т.е. с исторической необходимостью, которая пробивается через массу случайностей. Сказанное означает, что не герои делают историю, а история делает героев, выявляет выдающихся личностей. Так, не будь французской революции

1789 года, не было бы выдающегося полководца Наполеона. Последний (не будь революции) мог бы поступить, например, на службу в русскую армию и стать отличным генералом, но не более того.

Выдающаяся личность, по словам Плеханова, определяет «физиономию» общества, т.е. влияет в той или иной степени на характер и ход событий, но не определяет их закономерного хода, логики их развития, общего направления исторических процессов. Здесь, однако, хотелось бы обратить внимание на одно важное обстоятельство, а именно на тот факт, что еще никому из ученых и мыслителей не удалось раскрыть закономерность истории и предвидеть будущее народов и стран с очевидностью, аналогичной той, с которой можно предсказать, например, результат тех или иных химических реакций. Не удался строго научный прогноз относительно будущего развития капиталистического общества, предложенный с большой уверенностью марксизмом. Речь идет о положении марксизма, согласно которому капитализм с «неизбежностью» сменится социализмом. «Прогноз» Маркса оказался несбывшимся или же неудавшимся пророчеством, если иметь в виду провал грандиозного коммунистического эксперимента, проведенного в бывшем СССР.

Невольно вспоминается полемика Плеханова с Бернштейном в самом начале нашего века по вопросу о возможности научного социализма (в отличие от утопического). Перед нами книга «Эдуард Бернштейн. Возможен ли научный социализм?» «Ответ Г.Плеханова» (М., 1991), на которую мы будем ссылаться при изложении основных моментов полемики.

Прежде всего следует сказать, что работы Бернштейна, в том числе статья, о которой идет речь, в советское время не издавались... Взгляды Бернштейна как представителя немецкой социал-демократии в Советском Союзе квалифицировались исключительно негативно — как «ревизионизм», «реформизм» и «оппортунизм».

Термин «ревизионизм» означает идейное течение, подвергающее пересмотру основные положения какого-либо учения, той или иной теории, концепции. Чуть ли не со школьной скамьи нас учили, что Маркс и Энгельс, подвергнув критическому осмыслению (т.е. пересмотру) воззрения своих великих предшественников в области философии, политэкономии и социалистической (утопической) мысли, создали собственное научное учение, будь то философия, политэкономия или социализм.

Однако пересмотр Бернштейном некоторых идей марксизма решительно отвергался и рассматривался как предательство интересов рабочего класса в условиях капитализма. Такого рода «логика» меня

(и, надо полагать, не только меня) в мою бытность студентом первого курса вуза очень смущала. Получалось, что общественная мысль на марксизме закончилась, завершилась, т.е. была высказана абсолютная истина, истина в последней инстанции. Между тем общеизвестно, что всякая наука развивается посредством критического пересмотра (ревизии) своих предыдущих представлений. Наука же, выдающая себя за окончательную истину и не допускающая критики, становится разновидностью светской религии, непреложной догмой и непререкаемой инстанцией, т.е. перестает быть наукой.

Начнем с доводов Бернштейна о невозможности социализма быть наукой. По Бернштейну, социализм не может быть наукой уже в силу того, что он представляет социализм как моральный идеал справедливого общества, т.е. ориентирован на то, что **должно быть**, а не на то, что **собой представляет действительность**. Всякое долженствование, т.е. желаемое состояние общества, включает в себе момент утопии и потому выходит за рамки научных суждений. К тому же Бернштейн считал, что общественные науки в строгом смысле слова не могут считаться науками. Не может быть наукой и марксизм, ибо он, помимо всего прочего, ставит своей задачей главным образом не объективное (беспристрастное) научное познание существующего капиталистического строя, а субъективно-волевое (насильственное, революционное) преобразование этого строя.

Иначе говоря, марксизм ставит познание в зависимость от желаемой политической цели вместо того, чтобы, напротив, ставить вопрос о возможности осуществления политической цели в зависимости от объективного познания. Результат неверного понимания соотношения теории и практики налицо: марксистское «предсказание» об обнищании рабочего класса с развитием капитализма оказалось ложным. Или, как пишет Бернштейн: «Позвольте мне... напомнить о воззрении, по которому экономическое положение рабочих с развитием капитализма неизбежно становится все хуже, рабочие все беднеют; это воззрение названо теорией обнищания. Некогда оно пользовалось широким распространением... В настоящее время оно отвергнуто» (*Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? «Ответ Г.Плеханова»*. М., 1991. С. 26). Продолжая, Бернштейн замечает, что не оправдались также положения Маркса и Энгельса о сужении класса капиталистов, об уничтожении дифференциации труда и ряд других аналогичных теорий.

Сказанное, однако, не означает, что Бернштейн всецело отвергал марксизм. Напротив, он считал себя его приверженцем, признавая определяющую роль экономики в развитии стран и народов в

условиях капитализма. Было очевидным, что экономически развитые страны сильны и во многих других отношениях. Это наблюдается и в наши дни.

Парадоксально, но факт: можно сказать, что в известном смысле Бернштейн оказался более марксистом, чем сам Маркс. Ведь если, по Марксу, экономическое развитие капитализма с неизбежностью (закономерно) сменится социализмом, то отсюда следует, по Бернштейну, что нет необходимости в насильственном (революционном) вмешательстве в естественный ход вещей. Достаточно ограничиться реформами, экономической борьбой рабочего класса за свои интересы. Отсюда и знаменитая формула Бернштейна: «**Конечная цель — ничто, движение — все!**» Для Бернштейна «социализм есть нечто должностное быть..., движение к товарищескому строю» (Там же. С. 28). (В скобках заметим, что повод для понимания марксизма в духе экономического детерминизма, т.е. в смысле автоматической смены капитализма социализмом в результате роста производительных сил общества, дали сами Маркс и Энгельс, которые акцентировали свое внимание на экономической стороне общественного развития. Энгельс писал, что «Маркс и я виноваты отчасти в том, что молодежь иногда придает большее значение экономической стороне, чем это следует» — *Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948. С. 424.*)

Разумеется, Бернштейн сознавал, что социализм в понимании марксизма представляет собой, говоря его словами, «воинствующее движение», является борьбой классовых интересов, включая борьбу за завоевание политической власти. Но, исходя именно из этого обстоятельства, Бернштейн полагал, что социализм не может избежать тенденциозности, сохранить, как уже отмечалось, беспристрастность, а потому не может быть научным. К тому же, добавлял Бернштейн, общеизвестно, что общество представляет собой живой и изменяющийся организм, о котором никаких точных знаний быть не может. Следовательно, не может быть социальной науки вообще и научного социализма в частности. Словом, «никакой «изм» не является наукой». Далее Бернштейн утверждал: «Мы обозначаем измами воззрения, тенденции, систему мыслей или требований, но не науки. Фундаментом всякой истинной науки служит опыт... Социализм же есть учение о будущем общественном строе, почему ему и недоступен наиболее характерный элемент строгой научности» (*Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? «Ответ Г.Плеханова». М., 1991. С. 38.*)

Г.В.Плеханов, как известно, являлся блестящим полемистом. Аргументация, выдвинутая им в защиту идеи о возможности научного социализма, впечатляет. Прежде всего он отмечает, что ежели (по

Бернштейну) всякий «изм» не является наукой, то отсюда следует, например, что дарвинизм не есть наука. Но это уже нелепость. Столь же нелепо полагать, что «система мыслей» есть «изм», а не наука. Плеханов верно замечает: «Наука именно и есть знание, приведенное в систему» (Там же. С. 41). Аналогичное можно сказать и относительно признания наукой **тенденции** развития, допущения гипотез и прогнозов (см.: Там же). С этой точки зрения вполне возможно социологическое предвидение, а стало быть, и социальная наука.

Рассмотрим ход мыслей Плеханова более подробно. Согласно Плеханову, материалистическое понимание истории, открытое Марксом и Энгельсом, обуславливает научный характер социализма. Он пишет: «Основное положение материалистического объяснения истории гласит, что мышление людей определяется их бытием», их экономическими отношениями (см.: Там же. С. 55). Сказанное означает, что «главная черта, отличающая научный социализм от утопического», заключается в том, что «последователь научного социализма смотрит на осуществление своего идеала как на дело исторической необходимости, между тем как утопист возлагает свои упования на случайность» (Там же), т.е. будь то добрая воля королей, представителей имущих классов или внезапное пробуждение общественного сознания.

Сторонники научного социализма, продолжает Плеханов, «не ожидают сочувствия социализму от всех классов общества... Они видят, что из всех классов современного общества только пролетариат находится в таком экономическом положении, которое роковым образом толкает его на революционную борьбу с существующим общественным порядком» (Там же. С. 56).

Что же касается вопроса о точности предсказания в отношении каждого отдельного явления, которое характерно для положительных наук, то «научный социализм никогда и не предъявлял претензии на такую точность» (С. 57). Нельзя смешивать «два очень различных понятия: понятие о направлении и об общих результатах данного общественного процесса с понятием об отдельных явлениях (событиях), из которых составится этот процесс» (Там же). Короче говоря, «социологическое предвидение имеет своим предметом не отдельные события, а общие результаты того общественного процесса, который, как, например, процесс развития буржуазного общества, — уже совершается в данное время» (С. 59). Таким образом, «хотя социология и не совершенная наука и общая мысль научного социализма все-таки неоспорима, а потому и сомнение в возможности такого социализма все-таки неосновательно» (С. 60).

Таковы основные моменты критики Плехановым воззрений Бернштейна. Хотелось бы также отметить, что полемика между так называемыми ревизионистами (тем же Бернштейном) и ортодоксальными марксистами не утратила своей актуальности и в наши дни.

С первого взгляда может показаться, что Плеханов отверг все сомнения Бернштейна относительно возможности научного социализма, разработанного Марксом и Энгельсом. Но это на первый взгляд. На деле же Плеханов подметил лишь слабые моменты во взглядах Бернштейна, например в непредусмотрительном заявлении последнего о том, что всякий «изм» чужд науке. К тому же Плеханов повел полемику на довольно отвлеченном уровне. Это помогло ему умолчать о конкретных фактах, подтвердивших несостоятельность некоторых важных предсказаний Маркса, а именно прогноз последнего об абсолютном (и относительном) обнищании пролетариата в условиях развивающегося капитализма. Кроме того, оговорки Плеханова (в последнем из приведенных его высказываний) насчет того, что научный социализм «все-таки» возможен, т.е. так или иначе реально осуществим, свидетельствуют о частичном его согласии с Бернштейном. Во всяком случае напомним, что Плеханов признавал, что социальной науки в строгом смысле слова быть не может.

Если Плеханов решил не касаться конкретных фактов, выдвинутых Бернштейном, то Ульянов-Ленин объявил утверждения ревизиониста Бернштейна всецело ложными. В своей работе «Что делать?» он писал, что ревизионисты в лице Бернштейна отрицали «факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным само понятие о «конечной цели» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата» (Ленин В.И. Избр. соч. Т. 3. М., 1984. С. 15). Получается, что Плеханов в той или иной степени признавал несостоятельность теории обнищания, а Ленин, напротив, был непоколебимо убежден в растущем обнищании рабочего класса, его пролетаризации и обострении капиталистических противоречий. Эти и другие аналогичные разногласия привели, как известно, к расколу российской социал-демократии, к образованию партии меньшевиков, на позиции которой стал Плеханов, и партии «нового типа» — партии большевиков, руководимой Лениным.

Плеханов и меньшевики считали, что в соответствии с марксизмом, отвергающим волюнтаризм, нельзя перескакивать из одного исторического этапа в другой; что Россия не созрела (экономически и культурно) для социалистической революции; что следует пройти

этап буржуазных преобразований (рабочий класс должен стать большинством населения, а также «перевариться в котле» буржуазной демократии и т.д.).

Отвечая на эти доводы меньшевиков, Ленин в своей знаменитой статье «О нашей революции» писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать с завоевания революционным путем предпосылок этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» (Ленин В.И. Избр. соч. М., 1987. С. 395).

Чтобы догнать другие страны, пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам: введению «военного коммунизма» и разорению деревни; созданию ЧК (Чрезвычайной Комиссии), произвол которой по части арестов, расстрелов и конфискации имущества граждан («буржув») беспрецедентен в истории; изгнанию за пределы России лучшей части русской интеллигенции и установлению беспрекословной авторитарной власти («диктатуры пролетариата»). Словом, пришлось «насиловать историю», т.е. ускорить ее процесс, хотя История, согласно мысли Плеханова, — не лошадь, которую нужно погонять.

Предпринятые меры, как и следовало ожидать, не дали ожидаемых результатов. Более того, они вызвали массовое недовольство в стране — восстания в Кронштадте, в Тамбовской и отчасти в Воронежской губерниях, в Западной Сибири.

Справедливости ради отметим, что Ленин первым среди большевиков понял ошибочность избранного (насильственного, революционного) пути развития. По его инициативе так называемая продразверстка была заменена продналогом; ему же пришлось, чуть ли не под угрозой ухода со своего поста, ввести НЭП (новую экономическую политику), причем «всерьез и надолго». Дело в том, что соратники Ленина квалифицировали НЭП как «реставрацию капитализма», как переход на позиции «реформизма» и даже «предательства» интересов рабочего класса.

В теоретическом плане введение НЭПа означало признание первенства сущего, объективного хода вещей (самодвижения общества) над должным, над субъективно желаемым будущим. Сказанное означает, что объективный (естественный) ход вещей предполагает, образно говоря, социальную терапию, а не хирургическое вмешательство, всегда связанное с риском, порой очень большим, т.е. с авантюрой. Болезненны всякие реформы, а революции, как правило, разрушительны.

Введение НЭПа и реалистическая по ориентации статья Ленина «О кооперации» (январь 1923 года) намечали другой путь развития страны, чем начатый в октябре 1917 года. Иначе говоря, Ленин незадолго до своей кончины склонялся к такому пути развития страны, который, в сущности, отстаивал Плеханов.

Г.В.Плеханов скончался от туберкулеза 30 мая 1918 года в санатории Питкяярви в Финляндии, похоронен в Петербурге на Волковом кладбище. До конца своих дней он считал переворот, совершенный большевиками в октябре 1917 года, роковой для России ошибкой. Добавим, что после смерти Ленина, уже к началу 1928 г., НЭП был свернут и взят курс на ускоренную индустриализацию и коллективизацию страны. Вопрос о том, к чему привел отказ от НЭПа и курс, направленный в кратчайшее время «догнать и перегнать» Запад, — тема самостоятельного исследования.

Тем не менее невозможно удержаться от следующего замечания: вместо того, чтобы воспользоваться в новых условиях реформами Столыпина по созданию фермерских хозяйств или во всяком случае идеей Ленина о НЭПе (т.е. содействовать на практике сельскому хозяйству для разрешения прежде всего продовольственной проблемы), сегодняшние так называемые «прорабы перестройки» (гайдары, чубайсы и иже с ними) ввергли огромную страну в стихию открытого (в сущности, свободного от юридических норм, т.е. от какого-либо регулирования) рынка и монитарной системы (ограбления сбережений граждан).

Кроме того, Государственная Дума, в которой преобладают коммунисты, и по сей день не приняла закона о земле. Неудивительно поэтому, что ныне страна переживает обвал экономики, кризис власти, подрыв нравственных основ жизни общества («этический Чернобыль»). Этот феномен в народе получил название «дикий капитализм» — чудовишный и внеморальный по своей природе.

Январь 1998 г.

Оглавление

Об авторе	3
Предисловие	4
РАЗДЕЛ I	
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
Сократ, его поиск идеального в человеческом мире	7
Вечный спутник человечества. Трактовка учения Сократа в советский период (к 2400-летию со времени смерти Сократа)	14
Гераклит и диалектический материализм (к третьему Российскому философскому конгрессу)	32
Аристотель в оценке Маркса: проблема теоретического воспроизведения действительности	40
Изучение философии Демокрита в СССР (Доклад на Первом Международном конгрессе, посвященном Демокриту)	50
Несколько слов о первом номере журнала «Вопросы философии»	57
В.Ф.Асмус как историк античной философии	65
Аристотелевские чтения: впечатления и заметки О книге А.И.Зайцева «Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э.»	84
Философия древних греков как проявление их менталитета	103
РАЗДЕЛ II	
ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	113
О парадоксе России	113
Стихийность и сознательность	121
Глобализация и культурная идентичность (к XXI Всемирному философскому конгрессу)	125
Об истоках международного терроризма	132
Проблема смысла истории	145
РАЗДЕЛ III	
ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ	154
Достоевский Ф.М. (к 155-летию со дня рождения)	154
Плеханов Г.В. (к 80-летию со дня смерти)	157
Бухарин Н.И. (к 100-летию со дня рождения и 60-летию гибели)	166
Гурджиев Г.И. (к 125-летию со дня рождения)	188
Бердяев Н.А., его идея свободы	193
О феномене З.Я.Белецкого	197
Ф.Д.Шершунов — гражданин, воин, ученый	211
А.В.Брушлинский — памяти ученого	216
Письмо Александру Зиновьеву	219
Примечания	223